

Ю. С. Пестушко

«Обзор положения дел в Азии открывает нам глаза на тот факт, что нашей империи и ей одной после успешных войн с Китаем и Россией удалось укрепить здесь свое положение и занять место первоклассной державы. Ни одна европейская держава не решается вмешиваться в дела Японии или противодействовать ей»¹.

Японская служба внешней разведки была создана в середине XIX в. До этого времени необходимости в организации разведки за рубежом у японцев не возникало, поскольку страна была почти полностью закрытой. Вместе с тем опыт внутреннего шпионажа, когда даже передвижение внутри страны находилось под строгим контролем, позволил правительству в последней трети XIX в. сравнительно быстро наладить разведку в Китае, Корее и на Дальнем Востоке России – районах, ставших объектом японских интересов². Японская агентура направлялась туда для изучения положения дел на материке, а позднее – для исследования будущего театра военных действий с Россией. Для координации действий агентов, занимавшихся сбором информации, правительством организовывались организации и общества под той или иной вывеской. Так, в 1899 г. в Японии под патронажем генерального штаба было основано Восточно-азиатское общество культурного единения (То-а-добункай), в задачи которого, помимо исследования перспектив японской эмиграции, входило изучение географии, национальных особенностей, традиций азиатских стран. Главный зарубежный отдел этой организации находился в Пекине в здании японского посольства. Вскоре другие отделения общества появились во Внутренней и Внешней Монголии, в Индокитае, Сиаме, Индии. Членами общества становились не только офицеры и нижние чины японской армии, но и простые японцы, проживавшие за пределами своей родины и знавшие местные языки и обычаи³. Тогда же в Японии были созданы два подобных общества, которые

официально занимались изучением перспектив японской эмиграции в Азиатско-тихоокеанском регионе, а на самом деле – разведывательной деятельностью. Это – общества Тихоокеанское сотрудничество (Тайхэйё кёкай) и Тихий океан (Тайхэйё)⁴.

К началу русско-японской войны японцы наводнили своей агентурой практически все важные пункты Маньчжурии и Кореи, раскинув огромную шпионскую сеть, в которой под видом торговцев, фотографов, парикмахеров, содержателей гостиниц и домов терпимости были задействованы кадровые японские военные⁵. Опыт русско-японской войны наглядно показал, что из-за отсутствия надлежащей организации русская контрразведка не могла противостоять японской агентуре. Очевидно, что Генеральному штабу России следовало еще накануне войны с Японией заняться разработкой организации тайной агентуры для работы на предполагаемом театре военных действий. Однако практически никаких шагов в этом направлении сделано не было, а разработанный к 1902 г. штабом Приамурского военного округа план организации разведки по непонятным причинам был отклонен Генеральным штабом. Наспех подобранная и обученная уже после начала войны с Японией агентура оказалась малоподготовленной для выполнения задач по сбору информации о противнике, а неудовлетворительная работа русской разведки явилась одной из причин поражения России⁶.

Победа Японии в войне ослабила позиции России на Дальнем Востоке, вынудив царское правительство перейти к политике сохранения здесь status quo. Страна Восходящего солнца после Портсмута стала все больше претендовать на роль лидера в Азиатском регионе. Учитывая, что ни Россия, ни Япония не были довольны итогами недавней военной кампании и то, что в первые послевоенные месяцы с обеих сторон раздавались призывы к реваншу, Дальнему Востоку в самом ближайшем будущем предстояло вновь стать ареной дуэли между двумя странами. Между тем Японии и России удалось направить двусторонние отношения в мирное русло и значительно сгладить имевшиеся взаимные противоречия, что во многом объяснялось наличием у Санкт-Петербурга и Токио общих интересов на Дальнем Востоке.

Перенос спектра внешнеполитических интересов на европейское направление в послевоенные годы, и это хорошо понимали сторонники европейской ориентации внешнеполитического курса России – С. Ю. Витте и А. П. Извольский, не мог быть осуществлен без урегулирования российско-японских отношений, поскольку от него зависела безопасность дальневос-

⁴ «Морской сборник». 1913. № 9. С. 125.

⁵ Доклад военного следователя 3-й Маньчжурской армии об организации японского шпионажа. 15 сентября 1905 г. – Японский шпионаж в царской России. Сборник документов. М., 1944, с. 16.

⁶ См.: Русская разведка и контрразведка в войне 1904–1905 гг. Документы. – Павлов Д. Б., Петров С. А. Японские деньги и русская революция. М., 1993, с. 156.

¹ Из программы То-а-добункай. – РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив), ф. 2000, оп. 1, д. 29, л. 120.

² См.: Масуми Дзюнносукэ. Нихон сэйто сирон (История политических партий Японии). Токио, 1967, т. 3, с. 134.

³ РГВИА, ф. 2000, оп. 1., д. 29, л. 120.

точных владений Российской империи⁷. Растущие притязания на роль лидера в Азии и связанное с этим усиление разногласий с Вашингтоном, а затем и с Великобританией поставили Японию перед необходимостью коренным образом пересмотреть свое отношение к вчерашнему противнику – России. В создавшейся на Дальнем Востоке новой геополитической ситуации Токио все больше нуждался в союзнике для защиты своих сфер интересов в Китае.

Однако, даже взяв курс на сближение с Россией, правительство Японии не намеревалось отказываться от своих давних экспансионистских планов, в которых Сибирь и русский Дальний Восток занимали далеко не последнее место. Анализ японской и российской дипломатической и внутриведомственной переписки позволяет утверждать, что токийский кабинет намеревался действовать в этом направлении в зависимости от развития событий. Минимум, на что рассчитывала Япония, – окончательно закрепить за собой Южную Маньчжурию, а максимум – присоединить к владениям империи Северную Маньчжурию и Приамурский край⁸. Однако теперь японскому правительству надо было действовать более осторожно, чтобы до определенного времени не нанести вреда японо-российским отношениям, которые стали постепенно налаживаться в первые послевоенные годы и от развития которых в ближайшем будущем во многом зависело положение самой Японии в Азии⁹.

По мере постепенного развития диалога между Санкт-Петербургом и Токио, документально оформленного рядом соглашений¹⁰, политика Японии, связанная с русским Дальним Востоком, стала переходить в практическую плоскость: к сбору различной информации, которая могла пригодиться в будущем. Правительство предпринимает меры к детальному изучению российских дальневосточных владений, а в организованных в Приамурском крае японских школах начинают преподавать географию Приамурья и русский язык¹¹. Как отмечала русская пресса того времени, «японцы знают наше Приамурье так хорошо, как мы, переселенцы, не знаем своих центральных губерний»¹². В самой Японии издавалась газета «Сибирь», где публиковались

⁷ См.: *Bumme C. Ю.* Воспоминания. Таллинн–Москва, 1994, т. 3, с. 497.

⁸ Копия секретного донесения посъетского станового пристава на имя николевск-уссурийского уездного начальника. 3 июня 1914 г. – ГАХК (Государственный архив Хабаровского края), ф. И 16, оп. 6, д. 1, л. 268.

⁹ Мансю бункацу рон (Рассуждения о разделе Маньчжурии). Август 1913 г. – Архив внешней политики Японии (Токио), ф. 1.2.1.31. Дзай харупин сорёджикан хококу «Рококу кёкуто сэйсаку кэнкю сирё» дзаккэн (Подборка донесений генерального консульства из Харбина, озаглавленных «Материалы по исследованию российской дальневосточной политики»).

¹⁰ Имеются в виду соглашения, подписанные в 1907, 1910 и 1912 гг., по которым были разграничены сферы влияния обеих стран в Маньчжурии и Монголии. См.: *Mo Shen. Japan in Manchuria. An Analytical Study of Treaties and Documents.* Manila, 1960, p. 35; *Гримм Э. Д.* Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М., 1927.

¹¹ Вестник иностранной литературы. 1913, № 84, с. 21.

¹² Наш журнал. 1910, № 7, с. 20.

данные об обстановке на русском Дальнем Востоке, составе населения, сведения о залегающих в Приамурском крае полезных ископаемых. Издателем этой газеты являлся владивостокский корреспондент «Осака Асахи» – некий Ясусимо, получавший от японского правительства средства на сбор информации для подготовки публикаций такого рода. Газета «Осака Асахи» имела своих корреспондентов не только на русском Дальнем Востоке, но и в Санкт-Петербурге, откуда также удавалось получать сведения о положении дел на дальневосточных окраинах России. В первые послевоенные годы в Японии начинают появляться все больше справочных изданий, посвященных русскому Дальнему Востоку, в которых зачастую приводилось немало данных, собранных путем шпионажа. Так, в свое время особый интерес у русской контрразведки вызвала книга японского консула в Харбине Кавакими «Промышленность Северной Маньчжурии», которая была издана на деньги министерства иностранных дел Японии. В ней приводились не только статистические данные по экономическому положению дальневосточных владений России, которые можно было почерпнуть, например, из местной прессы, но и материалы, считавшиеся секретными¹³.

Наряду с изучением русского Дальнего Востока Япония продолжала вести здесь сбор сведений военного характера. С 1910 г. японская разведка активизировала свою деятельность на юге Приморской области и возле побережья Камчатки. С этого времени пограничные службы России стали регулярно фиксировать появление у российского побережья китайских шаланд с находившимися в них японскими военными. Нередко местными властями задерживались переодетые в рыбацкие костюмы японцы, у которых при обыске находили фотоаппаратуру и топографические рисунки местности. По заявлению русских военных, дислоцированных в этом районе, на наблюдательном посту возле залива Посъета стал по непонятным причинам часто портиться военно-морской телеграф¹⁴. Прямых доказательств причастности к этим неполадкам японской разведки у русских военных не было. Однако, по-видимому, японцы все же имели отношение к данным инцидентам, так как телеграфная связь стала нестабильной именно после появления здесь японских агентов, а возможной причиной поломки телеграфа могли стать попытки подключиться к нему для прослушивания.

Практически каждый месяц русская контрразведка задерживала японцев по подозрению в занятии шпионажем во Владивостоке, Иркутске или Чите¹⁵. Например, в окрестностях Владивостока нередко подвергались аресту японцы, которые под видом загородных семейных прогулок старались приблизиться к укрепайону, куда подданным иностранных государств доступ был категорически закрыт. При обыске у арестованных часто обнаруживали

¹³ Выписка из разведывательной сводки Заамурского округа пограничной стражи. 9 ноября 1909 г. – РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 29, л. 81.

¹⁴ «Китай и Япония». 18 ноября 1910 г., № 12, с. 39.

¹⁵ *Лабру А.* Японцы в Сибири и Маньчжурии. – «Новое Слово». 1913, № 3, с. 86.

точные карты местности, очевидно, составленные для их последующей передачи в Токио. В Архиве внешней политики Японии хранится немало подобных карт того времени, где указаны численность и расположение российских военных частей в Северной Маньчжурии и на Дальнем Востоке¹⁶. После нескольких случаев арестов местной полицией японцев, подозреваемых в шпионаже, местная японская община разразилась потоком гневных писем в адрес местной администрации и прессы. В них русские власти обвинялись в неподобающем отношении к гражданам Японии, которые, оказывается, и не думали заниматься чем-то противозаконным, а лишь хотели выбраться в окрестности города, чтобы подышать свежим воздухом¹⁷. Самую активную помощь своим соотечественникам, уличенным в шпионаже, оказывал японский коммерческий агент Каваками Тосихико. Следует отметить, что после спешного отъезда Каваками из Владивостока за три дня до начала русско-японской войны в его доме контрразведка обнаружила обрывки документов, в которых содержалось подробное описание дислокации войск владивостокского гарнизона, а также приводились статистические данные по фортификационным сооружениям и минным заграждениям¹⁸.

Там, где дальневосточной администрации было сложно установить наблюдение за передвижениями японской агентуры, последняя почти не скрывала истинных целей своей деятельности. Например, по свидетельствам многих китайцев, проживавших на северо-востоке Маньчжурии, которая находилась в сфере российских интересов, агенты японской разведки собирали здесь сведения о количестве и тоннаже судов, курсировавших по реке Сунгари, а также стоимости речного фрахта и численности дислоцированных в этом районе русских войск. Активизация японской разведки, а также характер расспросов местного населения японскими агентами все больше укрепляли у дальневосточной администрации уверенность в том, что Япония вплотную подбегает к русским владениям, готовясь к судорожному по Сунгари¹⁹. По поддельным документам японские резиденты свободно перемещались в пределах дальневосточных владений России. Они получали необходимые данные от служащих находившихся там японских фирм и местного населения. Японцев особенно интересовало положение дел в городах Цицикар, Хайлар и на станции Маньчжурия²⁰.

¹⁶ Хокумансю рококу гунтай хайти (Дислокация русских войск в Северной Маньчжурии). Данные на декабрь 1916 г. – Архив внешней политики Японии (Токио), ф. 5-2-15-27-1; Осю сэно но сай косэн каккоку но кокудзэ канкэй дзассан. Рококу но бу (Документы, касающиеся положения в странах, ведущих войну в Европе. Российский отдел).

¹⁷ «The Seoul Press». 10.06.1913.

¹⁸ Краткая пояснительная записка о системе японского шпионажа, составленная ротмистром Михайловым. 28 июля 1906 г. – Японский шпионаж в царской России, с. 26.

¹⁹ Копия донесения секретного сотрудника из Китая. 13 августа 1916 г. – РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 4167, л. 8.

²⁰ Кантото сэйфу рикугун санбобу (Администрация района Канто – В генеральный штаб). 16 октября 1915 г. – Архив внешней политики Японии (Токио), ф. 5-2-15-27-1.

В районы северо-восточного Китая и в города русского Дальнего Востока направлялись японские агенты, прошедшие необходимую подготовку. Иногда это были лишь пятидневные курсы, на которых будущих агентов учили лишь русским буквам и умению различать по погонам военные чины. Однако в Россию также направлялись люди, закончившие в Японии специальные школы. Такие разведчики владели несколькими языками, в том числе европейскими. Для передачи секретных сведений агентурой, как правило, использовались шифрованные письма и телеграммы, а также почтовые открытки. Например, на почтовой открытке черточками или точками делались отметки, показывавшие направление передвижения русских войск: сверху открытки – передвижение на север, внизу – на юг, справа – на восток, слева – на запад. Численность войск обозначалась количеством черточек на краях открытки: одна – батальон, две – дивизия, три – корпус. В некоторых случаях для пересылки собранных сведений применялось туалетное мыло, которое разрезалось посередине, а по краям проделывались небольшие углубления, после чего туда закладывалось донесение. Затем оба куска складывались вместе и слегка намыливались по краям. Определить по внешнему виду, что внутри такого куска что-то находится, было практически невозможно²¹.

Очевидно, уроки «маленькой победоносной войны» должны были несколько отрезвить многих российских военных и политиков, не принимавших до этого всерьез Японию, и заставить задуматься об исправлении допущенных ошибок. Тем не менее, надлежащие выводы были сделаны далеко не сразу, о чем свидетельствуют случаи халатного отношения отдельных военных к секретной информации, и даже факты продажи ими секретных сведений. Например, после участвовавших случаев исчезновения из строительного управления владивостокской крепости секретных документов местная контрразведка направила туда ротмистра Михайлова для расследования этих фактов. К большому удивлению самого ротмистра, ему удалось свободно купить в крепости последний план телеграфных и телефонных сообщений, а также схемы расположения орудийных батарей и минных заграждений²².

На недостаточную организацию контроля над российскими военными объектами указывают и случаи фактически беспрепятственного посещения иностранными гражданами владивостокского укрепленного района. Например, в феврале 1913 г. в жандармерии Уссурийской железной дороги стало известно о нахождении на территории владивостокской крепости большого контингента иностранных рабочих, среди которых были замечены китайцы

²¹ Подполковник Немьский – Ротмистру Постникову. 14 февраля 1916 г. – ГАХК, ф. И 16, оп. 6, д. № 2, л. 17; Подполковник Немьский – Ротмистру Постникову. 24 октября 1916 г. – ГАХК, ф. И 16, оп. 6, д. № 2, л. 204.

²² Краткая пояснительная записка о системе японского шпионажа, составленная ротмистром Михайловым. 28 июля 1906 г. – Японский шпионаж в царской России, с. 24–25.

и корейцы-японскоподданные. В ходе дальнейших разбирательств выяснилось, что все эти рабочие попали на территорию укрепрайона при содействии братьев Кузьминских, заключивших подряд с инженерным ведомством на выполнение работ по очистке дымоходов владивостокской крепости. Благодаря финансовой поддержке проживавшего во Владивостоке китайского подданного Лю Шу Ина Кузьминским удалось быстро наладить дело²³. По-видимому, их совершенно не волновало, что поданным иностранных государств доступ на военные объекты России был запрещен. Китайские рабочие и японскоподданные корейцы, приходившие наниматься на работу в контору Кузьминских, предъявляли поддельные паспорта, по которым они якобы являлись российскими корейцами. Впрочем, паспорт можно было свободно приобрести и в самой конторе по цене 15–30 руб.²⁴ Как только формальности с документами улаживались, поддельные паспорта передавались во владивостокскую крепостную жандармерию на регистрацию, после чего нанятые рабочие приступали к работе. Старые паспорта могли перепродаваться следующим командам рабочих по несколько раз, причем со временем хозяева предприятия даже перестали выдавать сами паспорта, ограничившись выдачей рабочим пропуска в крепость. Таким образом, по одному и тому же пропуску в крепость проходило несколько человек. Предприятие братьев Кузьминских и Лю Шу Ина просуществовало всего около двух недель. В ходе проведенных контрразведкой и жандармерией обысков и арестов по данному делу был арестован 21 человек, в числе которых оказались японскоподданные корейцы, воспользовавшиеся возможностью практически беспрепятственного допуска в укрепрайон для сбора разведанных.

Несмотря на то, что после поражения в русско-японской войне Россия была вынуждена на время отказаться от активной дальневосточной политики, царское правительство окончательно не отказалось от намерений вернуть здесь свои прежние позиции. Хотя Санкт-Петербург на фоне готовящейся аннексии Кореи поспешил дистанцироваться от попыток императора Коджона склонить Россию к вмешательству в японо-корейские дела, выдвижение Японии к границам Российской империи не могло не беспокоить царское правительство. Растущее в Корее антияпонское сопротивление в российской столице рассматривалось как положительный фактор, при помощи которого можно было добиться ослабления влияния Японии на Корейском полуострове. Поэтому после 1910 г. на территории русского Дальнего Востока получили убежище не только рядовые корейские крестьяне и ремесленники, бежавшие из своей страны от японского гнета, но и участники антияпонского корейского сопротивления. На юге Приморского края раз-

²³ Ротмистр Фиошин – Начальнику жандармского управления Уссурийской железной дороги. 26 февраля 1913 г. – Японский шпионаж в царской России, с. 164–166.

²⁴ 30 рублей стоил паспорт, срок действия которого должен был истечь еще не скоро. Если срок действия документа скоро заканчивался, он продавался вдвое дешевле.

вернули деятельность «Отряды независимости» («Тоннипкун»), организованные корейскими патриотами Ли Сиёном, Ли Доннёном и Ли Санъёном, а в окрестностях Владивостока проживала корейская семья Ан Чжун Гын, подготовившая и осуществившая убийство японского генерального резидента в Корее Ито Хиробуми. Хотя официально российские власти не поддерживали лидеров антияпонского сопротивления, опасаясь осложнений в отношениях с Японией, со стороны русской администрации им оказывалась негласная поддержка. Корейские повстанцы были расквартированы в русских казармах, а обучали их русские военные инструкторы.

От Токио не укрылось, что дальневосточная администрация подозрительно спокойно относится к нахождению на своей территории корейских партизан. Хотя после событий 1910 г. движения за независимость Кореи стихийно возникли в США, Китае и на Гавайях, особое беспокойство у японского правительства, завоевавшего право хозяйничать в Корее ценою кровопролитной русско-японской войны, вызывала перспектива появления антияпонской оппозиции в России. Опасаясь, как бы царское правительство не попыталась вновь разыграть «корейскую карту», Токио предпринимал энергичные меры по установлению контроля над корейскими эмигрантами, обосновавшимися на русском Дальнем Востоке. С этой целью еще накануне аннексии Кореи усилиями генерального консульства Японии во Владивостоке и Ассоциации японских резидентов были созданы прояпонские общества, занимавшиеся наблюдением за корейцами, покинувшими Корею – Общество прогресса (Ильчинхой), Народное общество (Кукминхой), Общество корейских резидентов (Тёсэн кёрюминкай).

Помимо наблюдения за корейской общиной, данные организации ставили своей главной задачей распространение прояпонских идей среди дальневосточных корейцев²⁵. Такого рода пропаганда приносила пользу, поскольку японское правительство, имевшее определенные виды на русский Дальний Восток, обещало предоставить корейцам много земли в случае захвата российских территорий²⁶. В стремлении привлечь корейцев на свою сторону японское правительство даже обещало вернуть независимость Корею в случае захвата Приамурья²⁷. На корейцев, состоявших в Ильчинхой, возлагалась также задача поддержания связей с хунхузами. Нередко японским агентам предписывалось принимать участие в грабежах и разбое вместе с хунхузами и «вообще производить беспорядки, чтобы вызвать у русских ненависть к корейцам и китайцам»²⁸. С началом первой мировой войны,

²⁵ Штаб Приамурского военного округа – Военному губернатору Приморской области. 2 июля 1907 г. – ГАХК (Государственный архив Хабаровского края), ф. И 16, оп. 1, д. 2, л. 74.

²⁶ Сводка наблюдений за японскими шпионами. 30 апреля 1909 г. – Японский шпионаж в царской России, с. 106.

²⁷ Секретное донесение посъетского станового пристава начальнику Никольско-Уссурийского уезда. 3 июня 1914 г. – ГАХК, ф. И 16, оп. 6, д. 1, л. 268.

²⁸ Разведывательная сводка Штаба Приамурского военного округа. 12 апреля 1910 г. – РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 29, л. 105–106.

когда практически весь военный контингент был переброшен с Дальнего Востока в Европу, местной администрации становилось все сложнее поддерживать порядок в Приамурском крае и русских владениях в Китае. Относительно благополучно обстояли дела лишь в районе КВЖД, как наиболее охраняемом во всей Маньчжурии участке. В остальных же районах шайки хунхузов, состоявших из нескольких сотен человек, «представлявшие собой постоянную угрозу человеческой жизни и собственности, иногда нападали на целые деревни и даже на небольшие города»²⁹.

Подобная пропагандистская работа велась Японией и в отношении китайцев. В одном из перехваченных русской разведкой воззваний к китайскому народу заявлялось, что «если Япония, навязавшая Пекину кабальные требования, все-таки приобретет в Южной Маньчжурии новые права, Россия не остановится ни перед чем, чтобы приобрести такие же права в северной Маньчжурии»³⁰. Таким образом, главным противником Китая называлась все-таки не Япония, а Россия. Подобная агитация находила немало сторонников среди китайцев, полагавших, что именно Россия, заключившая, по их мнению, ряд неравноправных договоров с Пекином, которые лишили Поднебесную выхода к Японскому морю, во многом несет ответственность за нынешний политический и экономический упадок их страны.

О причастности японской разведки к агитации такого рода свидетельствует ряд случаев, когда во время своих выступлений китайские ораторы свободно оперировали сверхсекретными данными о численности русских войск на Дальнем Востоке и состоянии армии. Один из подобных эпизодов, заставивший обратить на себя внимание русскую контрразведку, произошел в ноябре 1914 г. в ресторане «Тэ шунь куань», расположенном в китайской слободке Владивостока. В обеденное время, когда в ресторане было много посетителей, появившийся там китаец произнес перед соотечественниками речь, в которой призвал сограждан отомстить России «за все обиды со времен договора в Айгуне». По словам китайского агитатора, состояние русской армии оставляло желать лучшего, поскольку Россия закупила у Японии 600 тыс. винтовок и с началом войны в Европе перебросила туда пятисоттысячный военный контингент с Дальнего Востока. Это позволяло рассчитывать на успех в случае вторжения китайских войск численностью в несколько тысяч человек в дальневосточные владения России³¹.

Китаец назвал абсолютно точные данные о численности русских войск, переброшенных с Дальнего Востока, и о количестве винтовок, закупленных царским правительством у Токио, хотя на тот момент переговоры о покупке

Россией вооружения в Японии еще не были закончены. Эти данные были известны только японскому и царскому правительствам, а документы, касающиеся военного сотрудничества между Японией и Россией, были впервые опубликованы лишь в 30-е годы в Советском Союзе и значительно позже, в 60-е годы прошлого века в Японии³². Утечка подобной информации с российской стороны была маловероятна. В годы первой мировой войны всем военным частям были разосланы инструкции, где говорилось о необходимости соблюдения крайней осторожности при контактах с посторонними лицами, особенно иностранцами, чтобы избежать утечки информации, касающейся дислокации русских войск и охраны железных дорог³³. Вся корреспонденция, уходившая с Дальнего Востока, проверялась на предмет передачи секретных сведений, и даже мало-мальски подозрительные послания задерживались военной цензурой. Однако даже в письмах, содержащих разведывательную информацию, не называлось точная численность русских войск, находившихся на Дальнем Востоке, хотя их передвижение фиксировалось иностранной агентурой. Например, в письме, отправленном из г. Серпухов на ст. Пограничная КВЖД, содержался следующий текст: «Сибирская железная дорога занята воинскими поездами, товарные поезда совсем не идут. С Дальнего Востока посылается очень много войск, ежедневно мимо нас проходит 10–20 воинских поездов в Россию (европейскую часть. — Ю. П.)»³⁴. Судя по этому письму, а также другим подобным депешам, задержанным русской контрразведкой, иностранным агентам на Дальнем Востоке приходилось довольствоваться лишь наблюдением за передвижением русских войск и на основании этого производить общие подсчеты их действительной численности. Таким образом, можно с достаточной степенью уверенности предположить, что сведения о численности русских войск, а также другая секретная информация стали известными с подачи японского правительства.

Российские политики по-разному относились к упрочению позиций Японии на Дальнем Востоке и деятельности в этом регионе ее разведки. Например, уполномоченный российского министерства иностранных дел В. В. Граве после детального ознакомления с положением дел в дальневосточных владениях России пришел к несколько парадоксальному выводу о достаточно стабильной обстановке на русском Дальнем Востоке, несмотря на отмеченное им же стремление Японии к главенству в этом регионе. По мнению В. В. Граве, японцы, проживавшие на Дальнем Востоке России, по

³² См.: Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств. М.-Л., 1935–1937. — Нихон гайко бунсё (Японские дипломатические документы) (1914–1917). Токио, 1966–1968.

³³ Начальнику второго отряда Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи. 3 января 1915 г. — РГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3984, л. 4.

³⁴ Полковник Немыкий — Ротмистру Посникову. 14 февраля 1916 г. — ГАХК, ф. И 16, оп. 6, д. 2, л. 22.

²⁹ Kinney H. Modern Manchuria and the South Manchuria Railway Company. Dairen, 1928, p. 42.

³⁰ Помощник военного агента в Китае — Командующему Сибирской флотилией. 12 марта 1915 г. — РГА ВМФ (Российский государственный архив военно-морского флота), ф. 418, оп. 2, д. № 48, л. 2.

³¹ Ротмистр Немыкий — Начальнику Николаевской-на-Амуре крепостной жандармской команды. 6 декабря 1914 г. — ГАХК, ф. И 16, оп. 6, д. № 1а, л. 535.

сравнению с другими этническими группами были менее опасны из-за своей малочисленности. Факты шпионажа японскими подданными также не вызвали у русского чиновника особого беспокойства. В итоге местные власти получили от него еще одно напоминание о необходимости усилить надзор за проживающими в крае иностранцами, однако при этом японские резиденты не были выделены особо, что, очевидно, следовало бы сделать. В докладе В. В. Граве говорилось о необходимости усиления охраны русско-китайской границы и расширении штатов местной полиции. Остальные меры по усилению дальневосточных владений России, предложенные В. В. Граве, носили общий характер, и дальневосточная администрация вряд ли могла взять из них что-нибудь на вооружение. В частности, В. В. Граве указал на необходимость привлечения на Дальний Восток русскоязычного населения и поднятия Приамурского края в культурном отношении посредством строительства школ. Российский чиновник также отметил важность скорейшего налаживания на Дальнем Востоке инфраструктуры, что предполагало сооружение дорог, телеграфных линий, установление паромных сообщений между населенными пунктами и привлечение сюда российских и иностранных капиталов³⁵.

Такие российские политические деятели, как П. Ф. Унтербергер, П. Л. Барк и Я. Я. Лютша призывали царское правительство не особенно полагаться на дружбу с Японией, а позаботиться о военном укреплении русского Дальнего Востока³⁶. Однако никаких шагов в этом направлении царским правительством предпринято не было. Санкт-Петербург ограничился лишь введением новых мер, призванных поставить под более строгий контроль иностранное присутствие на русском Дальнем Востоке. В частности, было усилено наблюдение за всеми иностранными гражданами, прибывавшими на Дальний Восток, от которых требовалась обязательная регистрация и предоставление сведений о своем местожительстве³⁷.

³⁵ Граве В. В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье: Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. СПб., 1912, вып. 11, с. 234. Следует заметить, что подобного рода заявления делались русскими чиновниками и раньше, однако дальше дело, как правило, не шло. У местной администрации не хватало сил и средств даже на то, чтобы остановить контрабандный ввоз алкогольной продукции через русско-китайскую границу, прозрачность которой отмечалась даже японцами, не говоря уже о принятии конкретных мер к укреплению Приамурского края. См.: Японское генеральное консульство во Владивостоке – министру иностранных дел Японии Исии Кикудзиро. 30 марта 1916 г. – Архив внешней политики Японии (Токио), ф. 3.1.6.4. Энкайсю э сюсэй юнъю кинси иккэн (Дела о запрещении ввоза в Приморскую область алкогольной продукции).

³⁶ П. Ф. Унтербергер – И. Л. Горемыкину. – Международные отношения в эпоху империализма. Серия III. М.–Л., 1935, т. VII, ч. 1, с. 469; Я. Я. Лютша – С. Д. Сазонову. 30 июня 1915 г. – Международные отношения в эпоху империализма. Серия III. М.–Л., 1935, т. VIII, ч. 1, с. 86–87; П. Л. Барк – С. Д. Сазонову. 17 августа 1915 г. – Международные отношения в эпоху империализма. Серия III. М.–Л., 1935, т. VIII, ч. 2, с. 94–96.

³⁷ Японский консул в Николаевске Ямагути – министру иностранных дел Японии Като. 15 мая 1914 г. – Японские дипломатические документы, т. 1, [1914], с. 374.

В силу целого ряда причин политического толка, требовавших сосредоточения всех усилий на ведении войны в Европе, царскому правительству приходилось сквозь пальцы смотреть на выходы Японии, хотя русской разведке было хорошо известно, кто стоит за бандами хунхузов и кто инспирирует антирусскую агитацию среди китайцев и дальневосточных корейцев. Царское правительство, заключая в 1916 г. союзный договор с Японией, было уверено, что юридическое оформление союзных отношений между двумя странами если и не остановит, то, по крайней мере, снизит активность японских спецслужб. На предварительных переговорах о заключении японо-русского союза глава дальневосточного департамента царского внешнеполитического ведомства Г. А. Козаков, не понаслышке имевший представление о деятельности японцев на Дальнем Востоке, в разговоре с министром иностранных дел Исии Кикудзиро заметил, что сложившаяся в российских дальневосточных владениях обстановка создает правительству России известные трудности в деле корректировки своего внешнеполитического курса. Кроме того, глава дальневосточного департамента выразил уверенность, что упрочение отношений между Японией и Россией окажет благотворное влияние на стабилизацию обстановки в этом регионе³⁸. Однако и после подписания японо-русского союзного договора в июле 1916 г. ситуация на Дальнем Востоке России не изменилась, поскольку японское правительство продолжало проводить прежнюю политику на территории теперь уже своего союзника.

Очевидна цель, ради которой японское правительство поощряло деятельность хунхузов и сознательно разжигало антирусские настроения среди китайского и корейского населения. Оно рассчитывало, что в условиях политической нестабильности царское правительство, практически не имевшее на Дальнем Востоке своих войск, обратится за военной помощью к Японии. Судя по дипломатической переписке японского министерства иностранных дел, Исии Кикудзиро настоятельно рекомендовал японскому послу в России Мотоно Итиро прощупать почву относительно возможности отправки оставшихся на Дальнем Востоке русских воинских частей в Европу, чтобы при первой же возможности заменить их японскими войсками. При этом Токио лицемерно утверждал, что с самого начала войны Япония неустанно следит за поддержанием стабильности в Азии, в особенности в русских владениях Дальнего Востока³⁹.

К тому же, растущая активность банд хунхузов давала японскому правительству возможность продемонстрировать всему миру, что Пекин самостоятельно не контролирует ситуацию на своей территории и, следовательно,

³⁸ Кодзакову Исии гаймудайдзин кайдан (Переговоры Козакова с министром иностранных дел Исии). 14 января 1916 г. – Японские дипломатические документы (1916). Токио, 1967, т. 1, с. 111.

³⁹ Исии – Мотоно. 15 февраля 1916 г. – Японские дипломатические документы (1916), т. 1, с. 120.

нуждается в постоянном военном присутствии Японии для поддержания там порядка. Так, в 1916 г. Окума Сигэнобу открыто заявил, что увеличение японского военного контингента на территории Китая преследует единственную цель – сохранение целостности страны, поскольку самостоятельно Китай этого сделать не может⁴⁰.

Смена японских кабинетов на протяжении 1906–1917 гг. в целом не повлияла на направление дальневосточной политики Токио. Несмотря на общность политических целей Японии и России по отдельным внешнеполитическим вопросам, Санкт-Петербургу не следовало преувеличивать значения нормализации отношений в этот период. События 1918 г. показали, что ни союзные отношения, ни формально оформивший их союзный договор не спасли русский Дальний Восток от японской агрессии. Таким образом, деятельность японской разведки в дальневосточных владениях России была частью общего плана по установлению контроля над Сибирью и Дальним Востоком. Япония только ждала удобного случая, чтобы от приготовлений и агентурной работы, осуществлявшейся на протяжении нескольких последних лет, перейти к непосредственному захвату русской территории.

Русско-японская политическая конвенция 1916 г. и ее международно-политическое значение

Э. А. Барышев

В истории русско-японских отношений первая мировая война занимает особое место. В тот период они достигли своего исторического апогея, который не был превзойден ни в прошлом, ни в дальнейшем. Тем не менее, данная тема по сей день остается «белым пятном» в отечественной историографии¹. Точка в дискуссии о целях и историческом значении сближения России и Японии до сих пор не поставлена. Исследователи не могут прийти к единому мнению о том, что же собой представляло это сближение: военно-политический союз или что-то наподобие Антанты; являлось ли оно логическим продолжением процесса, обозначившегося после 1907 г., или это было особое соглашение, продиктованное условиями первой мировой войны. Если это был военно-политический союз, то против кого он был направлен: Германии, Великобритании, Китая или США; какие цели преследовали стороны, заключая данное политическое соглашение и т. д.

Изучение русско-японского сближения во время первой мировой войны проливает дополнительный свет на историю двусторонних отношений, помогает выявить некоторые закономерности их развития, а значит, лучше понять национальные интересы современной России на Дальнем Востоке. Все это, безусловно, должно способствовать выработке более гибкого внешнеполитического курса по отношению к Японии.

* * *

Первая мировая война изменила баланс сил не только в Европе, но и на Дальнем Востоке. После объявления войны Германией Россия встала перед необходимостью сосредоточения своих сил на Западном фронте. Однако для этого требовалось, прежде всего, обезопасить восточные рубежи, поскольку было неясно, как поведет себя Япония в такой ситуации. Печальный опыт русско-японской войны, начавшейся неожиданным, вероломным ударом японского флота по русским боевым соединениям на Дальнем Востоке,

⁴⁰ «Okuma Urges Army Increase». 23.06.1916. – Архив внешней политики Японии (Токио), ф. 1.1.4.1-2. Тэйкоку сёгайкоку гайко канкэй дзассан. Нитирокан (Подборка документов по дипломатическим отношениям Японской империи с другими государствами. Японо-русские отношения).

¹ В той или иной степени проблема русско-японского сближения во время первой мировой войны исследовалась российскими учеными: Гальперин А. Англо-японский союз: 1902–1921 гг.. М., 1947; Григорцевич С. С. Дальневосточная политика империалистических держав в 1906–1917 гг. Томск, 1965; Васюков В. С. Внешняя политика России накануне Февральской революции: 1916 – февраль 1917 г. М., 1989; Пестушко Ю. С. Японо-русские отношения в годы первой мировой войны. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Владивосток, 2003; Молодяков В. Россия и Япония: поверх барьеров. – Неизвестные и забытые страницы русско-японских отношений (1899–1929). М., 2005.